

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ХИВУ И ВЪ БУХАРУ

въ 1863 году. (*)

(Окончаніе.) (**)

II.

Поездка въ Бухару. — Киргизы. — Аламанъ. — Жамда. — Опасное состояніе Вамбери. — Вухара. — Азавры. — Омьръ. — Гаремъ. — Судъ. — Правительство. — Поездка въ Самаркандъ. — Аудиенція съ эмиромъ Моцафаръ-эль-Эдиномъ. — Свѣдѣнія о торговомъ и политическомъ значеніи Бухары и Кокана. — Обратный путь. — Карши. — Ханства Андшуй и Маймена. — Таможни. — Герать. — Вліяніе англійца. — Возвращеніе Вамбери.

Вамбери отправился въ Бухару съ прежними спутниками; но ихъ едва можно было узнать: оборванные хаджи преобразовались въ порядочно одѣтыхъ правовѣрныхъ; кромѣ того, у каждаго было по ослу, а Вамбери имѣлъ даже верблюда, на которомъ были навьючены его пожитки и книги.

Дорога изъ Хивы къ берегамъ Аму-Дарьи шла помимо весьма хорошо воздѣланныхъ полей и была обсажена туловыми деревьями, плоды которыхъ въ Хивѣ чрезвычайно вкусны. Взоры Вамбери отдыхали на красивомъ пейзажѣ; бесплодная пустыня была забыта. Такимъ образомъ караванъ дошелъ до Оксуса (Аму-Дарья), черезъ который предстояло переправиться. Въ этихъ мѣстахъ р. Аму такъ широка, что противный берегъ ея едва видѣнъ, а желтыя волны рѣки живописно катятся посреди весьма недурной растительности. Вообще масса воды производить отрадное впечатлѣніе на душу восточнаго путешественника, для котораго вопросъ о водѣ равняется вопросу о жизни. Вода въ р. Аму весьма мутна, такъ что ей нужно отстояться, и тогда лишь она становится вкусною; кромѣ того, по мнѣнію туземцевъ, она имѣетъ много цѣлебныхъ свойствъ, въ дѣйствительности которыхъ ручается и Вамбери. Переправа черезъ Аму-Дарью продолжалась съ десяти часовъ утра до самаго вечера: быстрота теченія и плохія перевозочныя сред-

(*) Travels in Central Asia in the years 1863, by Arminius Vambery. London. 1863.

(**) См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., № 2.

ства весьма замедляли переправу, тогда какъ при хорошемъ устройствѣ судовъ можно было бы употребить времени на переправу не болѣе получаса. Совершивъ переправу, караванъ направился въ Бухару по дорогѣ, считавшейся весьма торною, и, дѣйствительно, дорога эта, направляясь по берегу Оксуса, по мѣстности, обильно снабженной водою, представляла много удобствъ въ сравненіи съ другими дорогами въ ханствахъ.

День былъ необыкновенно жаркій; но, къ счастью, не смотря на песчаную мѣстность, путникамъ часто попадались киргизскія палатки, изъ которыхъ, при приближеніи ихъ, выглядывали женщины съ мѣхами и поднимали страшный крикъ, когда Вамбери отказывался отвѣдать изъ каждаго мѣха. Напоить жаждущаго путника въ лѣтній зной считается верховъ гостепрѣимства, и киргизъ съ своей стороны, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы исполнить этотъ пріятный для него обычай. По причинѣ невыносимой жары днемъ и съ намѣреніемъ облегчить себя и бѣдныхъ животныхъ, караванъ рѣшился впредь путешествовать только по ночамъ. „Какую очаровательную картину—говоритъ Вамбери—представлялъ караванъ, извиваясь впередъ при лунномъ свѣтѣ. Оксусъ, катившійся съ шумомъ справа, и страшная татарская степь слѣва!“ Однажды утромъ караванъ расположился лагеремъ на высококомъ берегу Аму-Дарьи, въ мѣстности, носящей названіе „верблюжьяго затылка“, вѣроятно, отъ кривой линіи, которую описываетъ берегъ. Въ этой мѣстности киргизы проводятъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ въ году. Въ теченіе десяти часовъ въ сосѣдствѣ каравана перебивали три кочующія семьи киргизовъ; онѣ по очереди навѣщали караванъ, останавливались часа на три, и затѣмъ уходили дальше. „Въ этихъ встрѣчахъ—говоритъ Вамбери—я, конечно, имѣлъ лучшій источникъ для составленія себѣ яснаго понятія о кочевой жизни киргизовъ. Когда впоследствии я спросилъ у одной женщины о причинахъ, побуждающихъ ихъ цѣлыми семьями перекочевывать съ мѣста на мѣсто, она отвѣчала со смѣхомъ: „Мы не такъ лѣнны, какъ вы, молла! Намъ не усидѣть по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ! Человѣкъ долженъ двигаться, потому что, разсудите сами: солнце, мѣсяць, звѣзды, животныя, птицы, вода, рыбы—все движется; только земля и мертвые остаются постоянно на мѣстѣ.“ Я было хотѣлъ возразить на эту философію кочующей дамы, но вдругъ не вдалекѣ отъ меня послышались крики: „бюри, бюри

(волокъ)!“ Весѣдовавшая со мною дама стремглавъ бросилась къ стаду, пасшемся не вдалекѣ, и подняла такой крикъ, что волкъ, поживившись только курдюкомъ одной овцы, какъ стрѣла пустился уносить ноги. Мнѣ очень хотѣлось спросить у нея, когда она возвратилась, въ какомъ отношеніи полезно передвиженіе волка; но она была слишкомъ взволнована понесенною потерей.“

„Путешествіе наше—продолжаетъ Вамбери—начавшееся при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ, вскорѣ было прервано неожиданнымъ и ужаснымъ извѣстіемъ: въ сумеркахъ мы встрѣтили двухъ полунагихъ людей, еще издали что-то кричавшихъ намъ. Подойдя ближе, они бросились на землю, крича: „хлѣба! хлѣба!“ Я одинъ изъ первыхъ подалъ имъ кусокъ хлѣба и бараньяго сала. Поѣвъ немного, они начали намъ рассказывать, что они были посланы гонцами изъ Гезареспы, что ихъ ограбилъ аламанъ Текке, отнялъ у нихъ лодку, платье и хлѣбъ и пощадилъ только жизнь; что разбойниковъ до полутораэта, и они дѣлаютъ поборы со стадъ окрестныхъ киргизовъ. „Ради Бога—сказалъ одинъ изъ нихъ—бѣгите или спрячьтесь, или черезъ нѣсколько часовъ вы ихъ встрѣтите, и, не смотря на то, что вы благочестивые пилигримы, они отнимутъ у васъ животныхъ и съѣстные припасы, потому что эти разбойники на все способны.“ Услыхавъ объ этомъ, керванбаши, не разъ побывавшій въ рукахъ туркменовъ, тотчасъ же приказалъ каравану повернуть назадъ, надѣясь дойти до Оксуса до нападенія грабителей. Если бы не близость Оксуса, каравану, разумѣется, предстояла бы несомнѣнная гибель, потому что отъ туркменскихъ коней уйти нѣтъ возможности. Планъ керванбаши удался; но, тѣмъ не мене, многіе хаджи, испуганные предстоящими опасностями, не пожелали продолжать путь въ Бухару, а рѣшились возвратиться въ Хиву, что, конечно, было противъ намѣреній Вамбери, стремившагося во что бы то ни стало проникнуть въ Бухару. Поэтому онъ, вмѣстѣ съ керванбаши, другомъ своимъ Билаломъ и десяткомъ прежнихъ товарищей, рѣшился пройти прямымъ путемъ черезъ степь Калату. Трудностей на этомъ пути было множество: дорога шла по сыпучимъ степямъ, и, въ продолженіе шести сутокъ, на пути нельзя было встрѣтить воды; кромѣ того, въ этой мѣстности свирѣпствовалъ *теббадъ*, песчаный ураганъ, засыпающій иногда цѣлые караваны. Зато туркмены не рѣшались дѣлать свои набѣги въ этой страшной мѣстности.

Наполнивъ водою Оксуса свои мѣхи, путешественники тронулись въ пустыню въ весьма мрачномъ расположеніи духа: каждый понималъ огромный рискъ этого путешествія и съ сожалѣніемъ оглядывался на удаляющуюся Аму-Дарью, освѣщенную послѣдними лучами заходящаго солнца. Переходъ черезъ степь Калату былъ несравненно опаснѣе предъидущихъ путешествій, какъ по песчаному грунту, представлявшемуся на этомъ пути, такъ и по совершенному отсутствію воды; въ іюнѣ мѣсяцѣ нельзя было рассчитывать даже на дождевую. Первый переходъ караванъ совершилъ въ полнѣйшемъ молчаніи, опасаясь привлечь на себя вниманіе туркменовъ, вѣроятно, бродившихъ въ окрестностяхъ, и счастливо прибылъ на ночлегъ, носящій милое названіе Адамкирильгамъ (человѣческая погибель), и, дѣйствительно, стоило только бросить взглядъ на горизонтъ, чтобы убѣдиться въ вѣрности этого названія. Пусть читатель вообразитъ себѣ необозримое море песку, надвинувшее съ одной стороны дѣлая горы, подобныя громаднымъ волнамъ, и разбѣгающееся въ другую сторону мелкою зыбью, уходя въ безконечную даль. Въ воздухѣ—ни птицы, ни насѣкомаго; на землѣ—ни растенія, ни животнаго. Только мѣстами побѣлѣвшія кости погибшихъ путниковъ и животныхъ, сложенные въ большія кучи, указывали путь будущимъ смѣльчакамъ. Понятно, что въ такой мѣстности туркменовъ бояться нечего: здѣсь и одной станціи нельзя проѣхать на лошади; но за то другой вопросъ, не менѣе страшный, представлялся умамъ путешественниковъ: пустять ли дальше стихіи? Этотъ вопросъ былъ такъ теменъ и ужасенъ, что передъ нимъ покачнулись даже фатализмъ и хладнокровіе жителей востока; ихъ мрачныя взгляды показывали сильную душевную тревогу.

Съ перваго же шага, затрудненій оказалось болѣе, чѣмъ они предполагали: отъ сильныхъ жаровъ и постояннаго движенія, вода стала чрезвычайно быстро испаряться, такъ что, не смотря на всѣ принятыя предосторожности, недостатокъ въ водѣ, вопреки расчета, оказался чрезвычайно скоро. На четвертый день двое хаджи заболѣли отъ жажды; изъ нихъ одинъ, вскорѣ умеръ въ страшнѣйшихъ мученіяхъ: совершенно черныя языкъ, оскаленные зубы и конвульсивныя движенія сопровождали смерть. Въ агоніи, умирающій все время просилъ у своихъ друзей хоть каплю воды; но никто, разумѣется, и не подумалъ подѣлиться ею изъ своего запаса. Въ пусты-

въ каждая капля воды есть жизнь, и никакія свѣи, ни родственныя отхожденія не превозмогаютъ инстинкта самосохраненія. Къ довершенію несчастія, на караванъ налетѣлъ расканденный песчаный вихрь, подъ которымъ, конечно, погибли бы всѣ путешественники, если бы онъ засталъ ихъ въ сыпучихъ пескахъ. Къ счастью, они двигались теперь по болѣе твердой почвѣ, въ виду горъ Калаты, гдѣ можно было надѣяться найти воду, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ пасутся стада бухарцевъ. Тѣмъ не менѣе, Вамбери едва не умеръ отъ жажды.

„У меня осталось около шести стакановъ воды—говорить онъ — и я пилъ ихъ по каплѣ, ужасно страдая отъ жажды. Встревоженный тѣмъ, что языкъ мой началъ немного чернѣть въ серединѣ, я немедленно вынулъ половину оставшагося запаса, думая тѣмъ помочь бѣдѣ; но—о ужасъ!—жгучее ощущение, сопровождаемое головою болью, стало еще сильнѣе къ утру цятаго дня, и когда, около полудня, горы Калаты показались изъ-за окружавшихъ ихъ тумановъ, силы мои стали постепенно упадать. Чѣмъ ближе мы подвигались къ горѣ, тѣмъ тоньше становился песокъ, и всѣ глава съ жадностію искали слѣдовъ какого-нибудь жидка, какъ вдругъ керванбаша обратилъ наше вниманіе на облако пыли, приближавшееся къ намъ, и объявилъ, что слѣдуетъ, не теряя времени, сойти съ верблюдовъ. Несчастныя животныя, чуя приближеніе страшнаго теббада, испускали громкій крикъ, упали на колѣни и, прилегши длинными шеями къ землѣ, старались зарыть свои головы въ песокъ. Мы спрятались за нихъ, какъ за стѣну, и лишь только опустили головы, какъ надъ нами пронесся вѣтеръ съ глухимъ шумомъ и свистомъ, покрывъ насъ слоємъ песку пальца въ два. Первые песчинки, коснувшіяся меня, показались мнѣ жгучими какъ искры. Если бы мы попали подъ теббадъ шесть миль глубже въ степи, то погибли бы безъ всякаго сомнѣнія. Мнѣ некогда было дѣлать наблюденій надъ теббадомъ. Говорятъ, онъ располагаетъ къ лихорадкѣ и рвотѣ. Я замѣтилъ только, что воздухъ сталъ тяжелѣе и душнѣе прежняго. Оправившись отъ теббада, мы двинулись далѣе и около вечера достигли фонтановъ. Вода, негодная для людей, оскѣдила по крайней мѣрѣ идущихъ животныхъ. Всѣ мы были очень больны, весьма похожи на умирающихъ, и лишь надежда на скорый дождь этихъ ужасныхъ мученій поддерживала въ насъ энергію.

„Головная боль довела меня почти до безумія; страшный жаръ жегъ мои внутренности; безъ посторонней помощи, я не могъ уже ни слѣзть съ сѣдла, ни садиться на него. Перо мое безсильно дать хотя слабое понятіе о мукахъ жажды; мнѣ кажется, смерть отъ жажды самая мучительная изъ смертей. Вынося до сихъ поръ всѣ испытанія съ твердостью, тутъ я совершенно изнемогъ. Я какъ бы чувствовалъ уже конецъ свой. Задремавъ около полуночи, я, проснувшись утромъ, увидѣлъ себя въ какой-то избушкѣ, гдѣ меня окружалъ длинноротый народъ: то были сыны Ирана, хлопотавшіе около насъ и приводившіе насъ въ чувство; они дали мнѣ выпить чего-то теплаго и спустя нѣсколько времени немного кислаго молока, смѣшаннаго съ водою и съ солью, извѣстною здѣсь подъ именемъ „айранъ“. Это придадо мнѣ силъ.

„Я и товарищи мои только теперь, подкрѣпясь силами, узнали, что находимся въ гостяхъ у персидскихъ рабовъ, посланныхъ хозяевами ихъ за десять миль отъ Бухары пасти стада; владѣльцы ихъ дали имъ лишь самое небольшое количество провизіи: хлѣба и воды, чтобы, съ большимъ запасомъ провіанта, они не вознамѣрились бѣжать черезъ пустыню. Однако эти несчастные имѣли великодушіе раздѣлить свой скудный запасъ воды съ нами, заклятыми своими врагами — сунитскими молла... Ласки ихъ испыталъ на себѣ особенно я, такъ какъ говорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ.“

Наконецъ измученный караванъ сталъ подходить къ границамъ Бухары. Вездѣ встрѣчались обработанныя поля, орошенныя каналами изъ рѣки Серешана, прекрасныя сады и довольно удобныя жилища бухарцевъ. Первый городъ на этомъ пути былъ Хакемиръ. Здѣсь таможенные чиновники съ пронипательностію осматривали вещи путешественниковъ, записывали ихъ и собирали положенную пошлину. Въ помощь имъ изъ Бухары были присланы особые чиновники, имѣющіе дѣлю спрашивать путешественниковъ о тѣхъ странахъ, откуда они слѣдуютъ. Все это старательно записывается и передается на усмотрѣніе высшаго начальства. Всякое подозрительное лицо, разумѣется, останавливается и не допускается въ благородный городъ. По прибытіи въ Бухару, Вамбери поселился въ монастырѣ *Теміе*, принадлежавшемъ одному изъ религіозныхъ орденовъ, и былъ представленъ начальнику, съ которымъ весьма сошелся, побѣвъ получасоваго

разговора, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ были разсыпаны всевозможные цвѣты восточнаго краснорѣчія: Вамбери былъ мастеръ на это. Тѣмъ не менѣе, и въ монастырѣ онъ не избѣжалъ подозрѣній. Въ Бухарѣ, гдѣ шпіонство и наушничество развиты до послѣдней степени, тотчасъ же было донесено Рахметъ-бею, управлявшему за отсутствіемъ эмира (*), о подозрительной личности. Но подозрѣнія мало по малу разсѣялись, послѣ распросовъ о Вамбери у его спутниковъ: послѣдніе не только отозвались о немъ весьма хорошо, но даже признали смертельнымъ грѣхомъ всякое подозрѣніе въ его достоинствахъ. Тѣмъ не менѣе, Вамбери былъ постоянно окруженъ шпіонами. Это были большею частію хаджи, приходившіе къ нему подъ разными предлогами и всегда начинавшіе разговоры о Френгистанѣ. Они думали поймать Вамбери на незнаніи языка или восточныхъ обычаевъ; но онъ держался весьма осторожно и большею частію отклонялъ отъ себя разговоръ о френги. „Я уѣхалъ изъ Константинополя—говорилъ онъ—съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ этихъ френги, якшающихся съ дьяволомъ. Слава Аллаху, я теперь въ благородной Бухарѣ и не хочу отравлять своего пребыванія здѣсь подобными воспоминаніями.“ Однажды къ Вамбери пришелъ старшина книгопродавецъ, весьма хитрый молла Шерефединъ. Онъ показалъ ему списокъ книгъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ оставленный русскимъ посланникомъ, спрашивая, не знаетъ ли онъ, что написано на этомъ листѣ. Но Вамбери, догадавшись, что это ловушка, небрежно посмотрѣлъ на списокъ и отвѣтилъ: „Слава пророку, моя память не осквернена науками и книгами френги, что, къ несчастію, такъ часто случается съ константинопольскими турками“. Вообще положеніе Вамбери въ Бухарѣ было чрезвычайно опасно; этотъ городъ почти недоступенъ для иностранцевъ, и судьба прежнихъ путешественниковъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этой опасности. Дѣйствительно, надо было много ловкости и знанія языка, совершенное знакомство съ обычаями восточныхъ народовъ, чтобы кончить благополучно въ такой мѣрѣ опасное путешествіе.

Вамбери весьма живо описываетъ Бухару, съ ея разнообразнымъ населеніемъ. Самый городъ имѣетъ весьма жалкую внѣшность и далеко уступаетъ персидскимъ городамъ; но рынокъ его всегда оживленъ и представляетъ самую разнообраз-

(*) Въ это время эмиръ былъ въ экспедиціи противъ Кокана.

ную смѣсь физиономій и костюмовъ. Въ движущейся массѣ преобладаетъ персидскій типъ, съ головами, увѣчанными турбанами, бѣлыми или синими (бѣлый цвѣтъ составляетъ принадлежность дворянскаго сословія или молла, а синій носятъ купцы, ремесленники и слуги). Послѣ персидскихъ преобладаютъ физиономіи татарскія. „Мы—говоритъ Вамбери—видѣли ихъ тамъ во всѣхъ степеняхъ, начиная съ узбековъ, отличающихся сильнымъ смѣшеніемъ крови, до киргизовъ, всецѣло сохранившихъ свою первобытную дикость. Посреди этихъ двухъ отраслей двухъ главныхъ расъ Азіи видѣется нѣсколько индѣйцевъ (мултани, какъ ихъ называютъ туземцы) и евреевъ. Индѣйцы, съ красными мѣтками на лбу и желтыми, отвратительными лицами, настоящіе вороньи пугалы; евреи, съ благородными, прекрасными очертаніями и великолѣпными глазами, годились бы въ модели мужской красотѣ для любого изъ нашихъ художниковъ-артистовъ. Тамъ были также туркмены, отличавшіеся отъ всѣхъ смѣлостію и блескомъ взглядовъ, соображавшіе, быть можетъ, какою богатою жатвой могла бы послужить эта сцена для какого-нибудь изъ ихъ аламановъ. Афгановъ здѣсь было очень немного и самаго низкаго сорта, въ длинныхъ, грязныхъ рубашкахъ, съ еще болѣе грязными волосами, рассыпавшимися по плечамъ: они чрезвычайно походили на людей, выскочившихъ на улицу изъ постелей во время пожара.“

Товары въ Бухарѣ большею частію русскіе: желѣзо, колѣнокоръ, галантерейныя вещи; изъ мѣстныхъ продуктовъ болѣе всего продаютъ здѣсь платья и обувь. Эту послѣднюю шьютъ и вышиваютъ въ Бухарѣ съ большимъ искусствомъ. Замѣчательны также ковры, получаемые въ Европѣ чрезъ Персію и Константинополь; это одно изъ главныхъ произведеній Средней Азіи и единственный продуктъ труда и искусства туркменскихъ женщинъ. Кромѣ удивительной чистоты красокъ и прочности ткани, ковры эти отличаются замѣчательнымъ изяществомъ рисунка, которому можетъ позавидовать любой европейскій фабрикантъ. Обыкновенно за однимъ ковромъ работаетъ нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, подъ руководствомъ опытной старухи; она чертитъ узоръ на пескѣ остроконечной палочкой и потомъ, смотря на него, выкликаетъ число и цвѣтъ нитокъ, необходимыхъ для составленія узора. Слѣдующее мѣсто за этой отраслію промышленности по достоинству принадлежитъ войлочнымъ издѣліямъ, которыми

отличаются киргизскія женщины. Бумага, приготовляемая въ Бухарѣ изъ сырцоваго шелку, также чрезвычайно высоко цѣнится на востокѣ: она гладка, тонна и весьма удобна для арабскаго письма. Платьемъ Бухара снабжаетъ почти всѣ ханства; оно выдѣлывается изъ бумаги и по дешевизнѣ доступно для всѣхъ. Вообще касательно моды Бухара своего рода Парижъ для Средней Азіи. Крайне смѣшно видѣть полудикаго киргиза, примѣряющаго парадное платье на свою неуклюжую фигуру и улыбающагося отъ радости при видѣ какой-нибудь бездѣлушки. На востокѣ главнымъ образомъ требуютъ отъ платья, чтобы оно шумѣло на ходу: это по-бухарски называется *чукъ-чукъ*. Всякій покупающій платье сперва прислушивается къ нему, а потомъ уже рассматриваетъ другія его качества.

Затѣмъ Вамбери, со своими спутниками, отправился на площадь Бухары, которая служитъ туземцамъ мѣстомъ сбора и отдохновеній. Это самое прелестное мѣсто въ Бухарѣ. Оно состоитъ изъ правильнаго квадрата, съ глубокимъ резервуаромъ въ серединѣ; послѣдній 100 футовъ длины и 80 ширины; края состоятъ изъ квадратныхъ камней съ восемью ступенями, ведущими къ поверхности воды. Квадратъ обсаженъ кругомъ прекрасными вязовыми деревьями, и въ ихъ тѣни неизбѣжны на востокѣ чайныя лавки и самовары, похожіе на колоссальныя пивныя бочки. Эти самовары фабрикуются въ Россіи нарочно для Бухары. Съ трехъ остальныхъ сторонъ—хлѣбъ, фрукты, разныя варенья и другія кушанья, холодныя и горячія, разставлены для продажи въ тѣни циновокъ. Сотни лавокъ, импровизованныхъ на этотъ случай, вокругъ нихъ толпы голодныхъ, напоминающія жужжаніе пчелъ около ульевъ, представляли для европейца весьма характеристическое зрѣлище. На четвертой сторонѣ, образующей родъ терасы, помѣщается мечеть Меджиди-Диванбеги. У входа ея тоже нѣсколько деревьевъ, а подъ ними помѣщаются дервиши и медда (публичныя чтецы); послѣдніе рассказываютъ въ прозѣ и въ стихахъ, а актеры тутъ же представляютъ геройскіе подвиги знаменитыхъ воиновъ и пророковъ. На площади чайнаго базара никогда не ощущается недостатка въ толпахъ любопытныхъ слушателей и зрителей. Едва показался тамъ Вамбери, какъ толпа тотчасъ же окружила его и отнеслася къ нему, повидимому, съ полнымъ благоволеніемъ. „Вотъ человекъ—говорили они—который пришелъ изъ Константинополя для того, чтобы поклониться нашему святому

Баведину (*); сколько нужно набожности и благочестія для совершенія такого подвига!“ Но набожность бухарцевъ ограничивалась только удивленіемъ: ни Вамбери, ни его спутники не получили отъ бухарцевъ ничего. Въ этомъ отношеніи хивинцы несравненно лучше: у нихъ религіозность и набожность тотчасъ переходятъ въ дѣло; они имѣютъ, повидимому, особую страсть къ благотворенію.

Книжныя лавки, само собою разумѣется, привлекли вниманіе Вамбери; онъ много рассказываетъ о замѣчательныхъ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ, которыя, впрочемъ, составляютъ рѣдкость въ Бухарѣ; по его мнѣнію, историческія и филологическія изысканія много выиграли бы отъ знакомства съ этими манускриптами. Къ несчастію, Вамбери не могъ пріобрѣсти почти ничего по этому предмету, какъ по ограниченности своихъ средствъ, такъ и изъ боязни повредить своему инкогнито; обратитъ вниманіе на дѣла міра сего для дервиша считается непростительнымъ грѣхомъ.

Климатъ Бухары лѣтомъ невыносимъ; онъ порождаетъ множество болѣзней, отъ которыхъ умираетъ иногда десятая часть населенія. Къ числу особенныхъ болѣзней, принадлежащихъ собственно Бухарѣ, относится *рюштъ*. Болѣзнь эта начинается зудомъ въ какой-нибудь части тѣла, потомъ дѣлается воспаленіе и изъ заражаемаго мѣста выходитъ ленточный червь, котораго надобно вынимать съ крайнею осторожностію; если его оборвать, то черезъ нѣсколько времени появляются десятки ему подобныхъ и болѣзнь становится опасною. Болѣзни Бухары весьма много зависятъ отъ дурнаго снабженія водою, которая проводится изъ рѣки Серешпана; дно послѣдней ниже мѣста, занимаемаго Бухарой. Воду запираютъ шлюзами и каждые 8 или 14 дней спускаютъ ее въ Бухару. Появленіе свѣжей воды составляетъ праздникъ для жителей. Сначала всѣ они, отъ мала до велика, купаются сами, затѣмъ вводятъ въ каналъ животныхъ, въ извѣстной послѣдовательности, кончая собаками, и потомъ уже даютъ нѣсколько часовъ водѣ отстояться. Понятно, что такая вода заражена всевозможными мизмами и весьма вредна для жителей, которые однако пьютъ ее, несмотря на то, что чистота по корану—одна изъ добродѣтелей.

Бухара гордится своимъ значеніемъ передъ другими мусуль-

(*) Бавединъ—знаменитый аскетъ и святой, основатель ордена Накшибенди; умеръ въ 1388. г.

манскими народностями, даже передъ самимъ турецкимъ султаномъ, который считается официальнымъ представителемъ религіи; но ему не могутъ простить снисходительности къ фрэнги, наводнившимъ его территорію. „Такъ какъ меня — говоритъ Вамбери — считали османли, то я долженъ былъ рѣшить многіе вопросы, замѣчательные по своей наивности. Во-первыхъ, отчего султанъ не убиваетъ всѣхъ фрэнги, живущихъ въ его владѣніяхъ и даже не платящихъ ему подати? Отчего онъ не предпринимаетъ ежегодно религіозной войны, такъ какъ на всѣхъ его границахъ живутъ невѣрныя? Во-вторыхъ, отчего османли, сунниты по религіи и принадлежащіе къ сектѣ абуханифитовъ, не носятъ тюрбановъ и длинныхъ одеждъ до пятъ, предписанныхъ закономъ? Отчего у нихъ не длинныя бороды и не короткіе усы, на подобіе славы всѣхъ человѣческихъ существъ, какъ называютъ пророка? Во-третьихъ, отчего сунниты, въ Константинополѣ и Меккѣ, говорятъ „езанъ“ (призывъ къ молитвѣ) нарасцѣвъ, что считается страшнымъ грѣхомъ? Отчего они не всѣ хаджи, отчего они не живутъ близъ святыхъ мѣстъ? и т. д.

„Я всѣми силами — говоритъ Вамбери — старался спасти религіозную честь османли, а въ душѣ поздравлялъ турокъ, сохранившихъ подъ вліяніемъ исламизма столько хорошихъ свойствъ, между тѣмъ какъ ихъ соплеменники, хвастающіе близостію къ источнику чистой вѣры, отличаются только безсовѣстнымъ нищенствомъ, лицемѣріемъ и лживостію. Какъ часто я присутствовалъ при халька (кругъ), составленномъ изъ благочестивыхъ мужей, усаживавшихся тѣсно одинъ возлѣ другаго и предававшихся *теведжю* — размышленію или, какъ выражаются западные магометане, созерцанію величія Божія, славы пророка и ничтожности нашей смертной жизни. Если посмотрѣть со стороны на этихъ людей, въ громадныхъ тюрбанахъ, съ поникшими головами, нельзя не счесть ихъ самыми чистыми, безхитростными натурами, желающими свалить съ себя земное бремя и сподобиться чистаго духа, такъ какъ арабская поговорка гласитъ, что „свѣтъ есть мерзость, и увлекаться имъ могутъ только собаки“. Но посмотрите на нихъ поближе, и вы увидите, что многіе изъ нихъ, вслѣдствіе слишкомъ глубокихъ размышленій, *дремлютъ* и даже многіе *зрѣютъ*, какъ собаки послѣ утомительной охоты; но не вздумайте упрекать ихъ: бухарцы озадачатъ васъ возраженіемъ: „эти люди, даже храпя, думаютъ о Богѣ и безсмертіи!“

Понятно, что, при увлеченіи, вся религія обратилась здѣсь въ соблюденіе однихъ внѣшнихъ обрядовъ, въ ущербъ своей сущности. Всякое малѣйшее отступленіе отъ религіозныхъ обычаевъ наказывается въ Бухарѣ необыкновенно строго. Въ каждомъ городѣ есть учитель (дере), путешествующій, обыкновенно, по улицамъ съ плетью; онъ экзаменуетъ всѣхъ проходящихъ, и ненадежныхъ, будь это даже 60-лѣтніе старики, отправляетъ въ училище (медресъ). Медресы эти съ перваго взгляда представляютъ утѣшительное явленіе: большое число училищъ и всеобщее сочувствіе этому дѣлу рекомендуютъ любознательность населенія; но на дѣлѣ оказывается, что въ медресахъ все образованіе ограничивается зубреніемъ Корана и изученіемъ разныхъ догматическихъ тонкостей.

Шпіонство и наушничество до того развиты въ Бухарѣ и приведены въ систему, что прокрадываются даже къ семейному очагу и дѣлаютъ частную жизнь чрезвычайно скучною и монотонною, дѣлая изъ нея ежедневное повтореніе извѣстныхъ обычаевъ; всякая веселость, всякое отступленіе отъ принятой мѣрки осуждаются безпощадно.

Годы тираніи такъ запугали народъ, что мужъ и жена, даже наединѣ, не осмѣлятся произнести имя эмира, не прибавивъ: „да продлитъ ему Богъ жизни на 120 лѣтъ“. Къ этому надо прибавить, что существующій порядокъ до того вошелъ въ нравы жителей, что несчастный народъ не чувствуетъ ненависти къ своему правителю, тиранія и капризы не кажутся чѣмъ-нибудь предосудительнымъ, но считаются неизбѣжной принадлежностію государя. Эмиръ Назръ-Улла, отецъ теперешняго правителя, дошелъ въ послѣдніе годы своей жизни до послѣдней степени безобразія: онъ съ крайнею строгостію преслѣдовалъ преступленія противъ нравственности, казнилъ за малѣйшее подозрѣніе по этому поводу, между тѣмъ какъ самъ почти ежедневно посягалъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ на честь своихъ подданныхъ; множество семей были обезчещены эмиромъ, и, несмотря на то, ни у кого не достало духу осудить виновника позора.

Нынѣшній эмиръ, Моцафаръ-эдъ-Динъ-ханъ (*), къ счастью, человекъ очень добрый и, строго преслѣдуя нарушенія законовъ религіи и нравственности, самъ неповиненъ ни въ какомъ

(*) Царствовавшій во время пребыванія Вамбери въ Бухарѣ въ іюль 1863 г. Нынѣшній эмиръ—его племянникъ, еще несовершеннолѣтній.

преступленіи. Отсюда непрерывныя восхваленія и прославленія его со стороны народа. Онъ руководствуется въ своемъ правленіи двумя принципами: справедливость и религія. Справедливость свою онъ доводитъ до того, что преслѣдуетъ съ одинаковою строгостію и богатыхъ, и бѣдныхъ, первыкъ даже нѣсколько болѣе, чѣмъ послѣднихъ, вслѣдствіе чего въ народѣ его называютъ истребителемъ слоновъ и покровителемъ мышей, что, вѣроятно, льститъ его самолюбію. Привязанность къ религіи выражается преслѣдованіемъ имъ всякихъ нововведеній, въ какой мѣрѣ они ни казались бы полезными, считая ихъ противными духу Корана. Предметы роскоши также изгоняются изъ Бухары. Въ домашней жизни эмиръ чрезвычайно экономенъ: столъ его немногимъ отличается отъ стола бѣдняка; и немудрено: пилавъ есть единственное блюдо въ Средней Азіи, употребляемое всѣми, начиная съ хана и кончая нищимъ. Гаремъ эмира состоитъ изъ четырехъ женъ и двадцати наложницъ, которыя назначаются будто бы для присмотра за дѣтьми—обычай, напоминающій Европу. Гаремъ эмира—святилище, недостижимое для смертнаго; правовѣрному запрещается даже *вообразать* себя въ гаремѣ; доступъ въ него возможенъ только для людей особенно религіозныхъ, которые призываются иногда во время болѣзни которой-либо изъ женъ, для совершенія священнаго дуновенія.

Полиція въ Бухарѣ чрезвычайно строга и дѣятельна. Послѣ двухъ часовъ по захожденіи солнца никто не смѣетъ показываться на улицѣ, вслѣдствіе чего большой иногда умираетъ отъ невозможности достать лекарства. Ночные сторожа, по приказанію хана, обязаны задержать его самого, если онъ покажется на улицѣ въ не дозволенное время.

Осмотрѣвъ Бухару и собравъ необходимыя о ней свѣдѣнія, Вамбери отправился въ Самаркандъ, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ эмиромъ, который въ это время возвращался изъ экспедиціи противъ Кокана. При выѣздѣ изъ Бухары, караванъ разбѣстился въ двухъ повозкахъ: въ одной помѣстился Вамбери съ хаджи Сали, въ другой хаджи Билаль съ братіей. Подъ защитой циновки, растянutoй надъ головами, сидѣть спокойно на коврѣ было бы очень пріятно; но мечта эта оказалась несбыточною: первобытная колесница была невыносимо: тряска и безпрестанно передвигала путниковъ съ мѣста на мѣсто, по своему благоусмотрѣнію; головы ихъ стали на-

лись, какъ шары на бильярдѣ. Первые нѣсколько часовъ Вамбери чувствовалъ нѣчто въ родѣ морской болѣзни, страдая гораздо больше, чѣмъ бывало на верблюдѣ, караблеподобныхъ движеній котораго прежде онъ такъ боялся. Несчастливая лошадь, впряженная въ широкую и тяжелую повозку, на неправильныхъ колесахъ, съ трудомъ тащилась по глубокому песку или грязи и сверхъ того должна была еще тащить на себѣ извозчика и его мѣшокъ съ провизіей. Туркмены правы, сомнѣваясь въ томъ, будутъ ли бухарцы когда-нибудь способны оправдаться въ дурномъ своемъ обращеніи съ лошадью, этимъ благороднѣйшимъ животнымъ.

„Я слышалъ—повѣствуетъ Вамбери—много удивительныхъ разказовъ о процвѣтаніи края между Бухарой и Самаркандомъ; но во все время нашей дневной повѣздки я не встрѣчалъ ничего удивительнаго, ничего такого, что бы удовлетворило моимъ ожиданіямъ. Мы видѣли, впрочемъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, съ небольшими исключеніями, обработанныя земли. Но за то на слѣдующій день меня ожидалъ настоящій сюрпризъ. Мы проѣхали черезъ маленькую степь Чель-Меликъ (6 миль длины и 4 мили ширины), гдѣ нашли каравансарай и резервуаръ съ водою, и, наконецъ, достигли области Керминехъ, гдѣ находится станція третьяго дня. Тутъ намъ попадались по дорогѣ каждый часъ, а иногда каждые полчаса, маленькіе базары, съ нѣсколькими домами и лавками для провизіи и съ гигантскими русскими самоварами, вѣчно кипящими, почему они и пользуются тамъ репутаціей *pes plus ultra* утонченнаго комфорта. Эти деревни вовсе не похожи на деревни въ Персіи и въ Турціи: тутъ постоянные дворы гораздо больше снабжены всякими земными благами, и если бы было побольше деревень, то можно было бы сказать, что этотъ путь есть единственная мѣстность въ Средней Азій, напоминающая нашъ далекій западъ. Около полудня мы остановились въ Керминехъ въ прелестномъ саду, на берегу резервуара, съ обильною тѣнью. Друзья мои, по мѣрѣ приближенія момента нашей разлуки, привязывались ко мнѣ все болѣе и болѣе; они не могли безъ ужаса подумать, что изъ Самарканда въ Европу мнѣ придется ѣхать одному. Мы отправились изъ Керминеха послѣ солнечнаго заката, рассчитывая, что ночная свѣжесть облегчитъ въ нѣкоторой степени страданія нашей измученной лошади; въ полночь мы опять остановились часа на два, надѣясь дотащить

до станціи къ утру, до дневнаго зноя. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ по дорогѣ я замѣтилъ квадратныя мильныя столбы, одни цѣльныя, а другіе уже развалившіеся (*), воздвигнутыя Тимуромъ. Весь путь отъ Бухары до Капшгара носить на себѣ слѣды древней цивилизаціи. Теперешній эмиръ, съ цѣлю тоже отличиться, устроилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ малешкія терасы, для того, чтобы дать средства прохожимъ исполнять какъ слѣдуетъ религіозныя обряды. Вечеръ мы провели въ деревнѣ Миръ, въ мечети. Мечеть эта помѣщается посреди хорошенькаго цвѣтника. Я улегся спать воалѣ резервуара; но меня скоро разбудили крикъ и споры прѣзжающихъ туркменовъ. То были всадники Текке, помогавшіе эмиру въ походѣ противъ Кокана и теперь возвращавшіеся въ Мервъ съ добычей, отнятой у киргизовъ. Эмиръ, съ намѣреніемъ цивилизовать ихъ, подарилъ имъ всѣмъ по бѣлому тюрбану, надѣясь, что они бросятъ свои грубыя, мѣховыя шапки; но они носили эти тюрбаны пока были на глазахъ у эмира, а потомъ продали ихъ.

„Все, что я слышалъ въ Бухарѣ, значительно уменьшило въ моихъ глазахъ историческое значеніе Самарканда; несмотря на то, я не безъ любопытства ожидалъ появленія на востокѣ горы Хабаната, у подножія которой лежала моя Мекка—цѣль давнихъ моихъ стремленій. Наконецъ, вѣхавъ на одну гору, я завидѣлъ городъ Тимура, посреди прекраснѣйшей мѣстности. Обязываюсь сознаться, что первое впечатлѣніе всѣхъ этихъ равноцвѣтныхъ куполовъ и минаретовъ, облитыхъ лучами утренняго солнца, было очень отрадное.“

Самаркандъ, какъ по внѣшности, такъ и по нравамъ и обычаямъ народа, ничѣмъ не отличается отъ Бухары, но по религіозному своему значенію, по множеству мѣстъ, чтимыхъ магометанами, занимаетъ первое мѣсто въ Средней Азіи. Одна гробница Тимура привлекаетъ къ себѣ ежегодно тысячи пилигримовъ. Кромѣ того, здѣсь насчитываютъ нѣсколько сотъ святынь, имѣющихъ разную степень важности въ глазахъ мусульманина.

Вскорѣ было объявлено о торжественномъ вѣздѣ эмира послѣ экспедиціи. Шествіе открыли двѣсти сарбазовъ, одѣтыхъ въ кожаныя платья, сверхъ неуклюжихъ бухарскихъ халатовъ; этотъ костюмъ возводилъ ихъ на степень регулярнаго войска.

(*) Турецкое названіе мильныхъ столбовъ—ташь, что вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ и мило.

Сзади ихъ ѣхали всадники съ знаменами и литаврами, и, наконецъ, самъ эмиръ со своею свитой, одѣтые въ широкія шелковые рубахи яркихъ цвѣтовъ и въ снѣжно-бѣлыхъ тюрбанахъ на головѣ. Изъ всей свиты эмира наиболѣе замѣчательны были кипчаки, сохранившіе вполнѣ мангольскій типъ лица и оригинальное старинное вооруженіе: щиты, лукъ и стрѣлы. День вѣада эмира былъ и народнымъ праздникомъ. Нѣсколько громадныхъ котловъ были принесены на площадь, и началась варка „царскаго шлама“. Въ каждый котелъ положили мѣшокъ рису, три барана, огромную кастрюлю бараньяго жира и небольшой мѣшокъ моркови. Народъ съ жадностію бросился на лакомое блюдо и долго послѣ бродилъ около опустѣвшихъ котловъ. На слѣдующій день назначенъ былъ арзъ (публичная аудіенція), и Вамбери долженъ былъ выдержать съ эмиромъ страшную аудіенцію, тѣмъ болѣе страшную, что эмиръ былъ уже предупрежденъ на его счетъ. „Войдя въ комнату—говорить Вамбери—я прочелъ краткую молитву и, по праву дервиша, сѣлъ безъ приглашенія рядомъ съ эмиромъ. Это, повидимому, удивило его. Онъ пристально и подозрительно сталъ глядѣть мнѣ въ глаза; но я удачно выдержалъ этотъ взглядъ, давно отвыкнувъ краснѣть. „Хаджи—сказалъ эмиръ—неужели ты пришелъ изъ Константинополя для того только, чтобы поклониться гробу Бага-эдина (святаго)?“

— Да, таксиръ (повелитель)—отвѣчалъ Вамбери—и кромѣ того для того, чтобы насладиться твоей божественной красотой (обычная вѣжливость).

— Странно, неужели ты не имѣлъ никакой другой цѣли?

— Никакой, таксиръ! Я давно уже и пламенно желаю увидѣть благородную Бухару и очаровательный Самаркандъ, по которымъ, по выраженію шейхъ-Джелала, слѣдовало бы ходить головою, а не ногами. Къ тому же я давно джиганкештъ (считалецъ міра).

— Ты? хромой?

— Будь я твоя жертва, таксиръ (выраженіе, соответствующее нашей просьбѣ — извини), но твой знаменитый предокъ Тимуръ-ленкъ былъ тоже хромой, но это не помѣшало ему быть джигангиромъ (покорителемъ міра).

Этотъ отвѣтъ понравился эмиру, и онъ предложилъ Вамбери много вопросовъ насчетъ путешествія и впечатлѣнія, произведеннаго Бухарой на мнимаго дервиша. Вамбери пересы-

палъ свои отвѣты цитатами изъ Корана и персидскими изреченіями, что не только разсѣяло подозрѣнія эмира, но и оказало на него благоприятное дѣйствіе. Вамбери былъ отпущенъ и даже награжденъ эмиромъ одеждой и небольшимъ количествомъ денегъ.

„Своимъ торжествомъ—прибавляетъ Вамбери къ этому разсказу — я былъ обязанъ ничему болѣе, какъ гибкости моего языка, дѣйствительно довольно безстыднаго.

Во время своего пребыванія въ Самаркандѣ, Вамбери собралъ множество неизвѣстныхъ доселѣ свѣдѣній о Бухарѣ, которая, впрочемъ, какъ по составу народонаселенія (*), такъ и по образу жизни и правленія почти ничѣмъ не отличается отъ Хивы. Кромѣ того мы считаемъ необходимымъ познакомить читателей хотя вкратцѣ съ результатами изслѣдованій Вамбери относительно Кокана, въ которомъ самъ онъ лично, впрочемъ, не былъ; для насъ, русскихъ, страна эта, въ настоящее время, имѣетъ живой интересъ.

Коканъ, древняя Фергона, превосходитъ какъ Хиву, такъ и Бухару пространствомъ и количествомъ народонаселенія (?), хотя ни того, ни другаго точно опредѣлить нельзя. Считаютъ приблизительно, принявъ во вниманіе число городовъ, до трехъ милліоновъ жителей (?), въ составъ которыхъ, кромѣ извѣстныхъ уже намъ племенъ, входятъ еще и *кипчаки*. Кипчаки, несмотря на свою малочисленность, играютъ самую важную роль въ Коканѣ. Происходя отъ древняго тюрскаго племени, они въ чистотѣ сохранили свой языкъ и обычаи и весьма напоминаютъ монголовъ, какъ по складу головы, такъ и по необыкновенной ловности и силѣ. Храбрость ихъ неудержима. Случалось, что 500 всадниковъ-кипчаковъ брали цѣлые города и перемѣняли династіи въ Коканѣ. Ни одно изъ другихъ племенъ, несмотря на свою многочисленность, не имѣетъ такого вліянія на государственныя дѣла въ Коканѣ. Столицею ханства считается плѣнительный Коканъ, по кудрявому выраженію туземцевъ. Плѣнительный только на словахъ, а въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ неотличающійся отъ другихъ городовъ Средней Азии, хотя и превосходитъ ихъ обширностію территоріи и числомъ жителей: та же грязь, тѣ же медресы, тѣ же рынки, на которыхъ почти исключительно продаются наши русскіе товары. Замѣчательно, что англійскія издѣлія, которыя также прони-

(*) Въ Бухарѣ насчитываютъ приблизительно до 2,500,000 жителей.

каютъ въ Среднюю Азію черезъ Герать, не могутъ соперничать съ русскими, несмотря на несомнѣнное качественное превосходство первыхъ, вслѣдствіе чего размѣры русской торговли въ Средней Азіи постоянно увеличиваются.

Причины выгоднаго положенія русской торговли въ ханствахъ, по мнѣнію Вамбери, зависятъ болѣе всего отъ давности сношеній: привычка и обычай у восточныхъ народовъ играютъ слишкомъ важную роль. Кроме того, русскіе купцы познакомились со вкусомъ своихъ потребителей и умѣютъ къ нимъ приноровиться; наконецъ, дороги въ Россію, несмотря на свои неудобства (*), все-таки выгоднѣе дороги въ Герать, на протяженіи которой живутъ народы, занимающіеся исключительно собираніемъ пошлины съ каравановъ, которая есть ничто иное, какъ организованный грабежъ.

Главные статьи привоза и вывоза уже перечислены нами при разсмотрѣніи торговли Хивы, а потому здѣсь придется только упомянуть о почвѣ Кокана, которая замѣчательна по своему плодородію. Несмотря на младенческое состояніе землѣдѣлія, она даетъ обильные урожаи риса, ячменя, пшеницы и сарачинскаго пшена; фрукты рождаются всевозможные и превосходнаго качества; тутовое дерево, хлопчатникъ, красильныя вещества растутъ вездѣ. Изъ домашнихъ животныхъ, разводимыхъ въ Коканѣ, самую важную роль играетъ лошадь. Пѣсни и литература, даже обыкновенные разговоры мужчинъ имѣютъ болѣею частію предметомъ лошадь. Восточные народы считаютъ лошадь вѣнцомъ созданія, такъ что киргизы хвастаются своими выдающимися лицевыми костями, напоминающими лошадь.

Изъ другихъ городовъ болѣе замѣчательны Ташкентъ, недавно занятый нашими войсками. Онъ ведетъ значительную торговлю съ Оренбургомъ и Петропавловскомъ, съ Бухарою и Китайскою Татаріей.

Политическія отношенія ханствъ между собою представляютъ картину постоянныхъ войнъ и раздоровъ, въ которыхъ первостепенную роль играетъ Бухара, несмотря на то, что уступаетъ Кокану въ отношеніи народонаселенія.

Исторія Кокана, тѣсно связанная съ исторіею Бухары, за послѣднія 30 лѣтъ представляетъ рядъ непрерывныхъ войнъ, окончившихся въ настоящее время завоеваніемъ Кокана. Въ

(*) Изъ Ташкента караваны ходятъ въ 50—60 дней до Оренбурга и въ 70 дней до Петропавловска (Тобольской губерніи).

1863 году заключенъ миръ, по которому Коканъ раздѣленъ на двѣ части: одна, съ городомъ Коканомъ, отдана шахъ-Мураду, поддерживаемому кипчаками, а другая, съ Ходжендомъ — Худояръ-хану; всѣ пушки и оружіе, а также и многочисленныя драгоценности, перевезены эмиромъ въ Бухару.

Бухара, которая еще во времена, предшествовавшія введенію исламизма, играла главную роль среди этихъ странъ, сохранила ее въ продолженіе многихъ столѣтій и до нашего времени, несмотря на различныя, потрясавшіе ханство, перевороты. Не только Коканъ и Хива, но также небольшія южныя государства, и даже Афганистанъ, постоянно признавали это превосходство Бухары надъ собою, считая ее колыбелью цивилизаціи современной Средней Азіи. Муллы и мусульманская ученость благородной Бухары очень уважаются и славятся въ этихъ странахъ, которыя, тѣмъ не менѣе, всячески противятся всѣмъ стремленіямъ бухарскихъ эмировъ, подъ вліяніемъ этого духовнаго господства, подчинить, хотя бы нѣсколько, своему свѣтскому владычеству если даже и не цѣлыя ханства, то нѣкоторые города только. Изъ продолжительныхъ войнъ Бухары съ Коканомъ нѣкоторые заключили, что Бухара стремится составить союзъ ханствъ для огражденія себя отъ завоеваній Россіи; но это совершенно неосновательно. Войны эти велись только изъ-за добычи и грабежа, и можно быть твердо убѣждену, что ханства эти никогда не составятъ общаго союза для своей защиты, а, напротивъ того, своими междоусобными войнами и распрями болѣе всего будутъ способствовать успѣхамъ новаго завоевателя. Хива и Коканъ, хотя и непримиримые враги Бухары, не считаются ею довольно опасными; единственнымъ соперникомъ ея въ Средней Азіи считается постоянно возрастающій Афганистанъ. Сознывая невозможность успѣха, въ случаѣ открытой съ нимъ войны, Бухара всячески старается вредить Афганистану дипломатическимъ путемъ. Пользуясь союзомъ афгановъ съ англичанами, бухарцы выставили ихъ какъ отступниковъ ислама, что имѣло вліяніе на значительное уменьшеніе торговыхъ сношеній Афганистана не только со всѣмъ Туркестаномъ, но даже и съ Кабуломъ, и постоянно поощряютъ къ вторженію въ эту страну теквовъ и саторовъ, кочующихъ по сосѣдству съ нею.

Хива чрезвычайно ослаблена постоянными междоусобными войнами, которыя она принуждена вести съ населяющими ее

іомутами, шаудорами и кайсавами, весьма склонными къ войнѣ и грабежамъ, и только необычайной храбрости узбеговъ обязана она тѣмъ, что до сего времени не подпала подъ власть Бухары, превосходящей ее своимъ народонаселеніемъ. Аллахъ-Кули-ханъ, какъ говорятъ, первый отправилъ пословъ въ Бухару и Коканъ для заключенія, повидимому, по совѣту путешественника Канолли, оборонительнаго союза противъ все болѣе и болѣе возрастающаго господства здѣсь русскихъ. Бухара не только отказалась отъ этого, но, напротивъ того, склонилась на сторону Россіи; Коканъ же изъявилъ на это согласіе, равно какъ и города Шехри-Себсъ и Хиссаръ, бывшіе въ войнѣ съ бухарскимъ эмиромъ. Но осуществленіе этого союза на дѣлѣ осталось въ числѣ многихъ другихъ *ria desideria*, причину чего довольно ясно указываетъ слѣдующее древнее арабское изреченіе, употребляемое жителями Средней Азіи для описанія ихъ собственнаго характера, именно: въ Турціи видимъ мы благополучіе, въ Дамаскѣ — доброту, въ Багдадѣ — науку, въ Туркестанѣ — вражду и неприязненность.

Постоянными междоусобіями кипчаковъ, киргизовъ и кайсамовъ объясняется подобное же безсиліе Кокана; къ тому же узбеги, его населяющіе, до крайности малодушны. Поэтому и неудивительно, что, превосходя прочія ханства пространствомъ и числомъ жителей, Коканъ, тѣмъ не менѣе, не можетъ съ успѣхомъ противиться вторженіямъ бухарцевъ.

Внѣшнія сношенія ханствъ ограничиваются Китаемъ, Персією, Турцією и Россією. Съ Китаемъ сношенія ихъ въ такой мѣрѣ незначительны, что не заслуживаютъ никакого вниманія; на персовъ жители ханствъ смотрятъ съ презрѣніемъ, грабятъ ихъ границы и уводятъ въ плѣнъ. По мнѣнію туркменовъ, Богъ далъ персамъ голову и глаза и лишилъ ихъ сердца. Отношенія къ Турціи чисто-религіозныя; въ понятіяхъ суннитовъ, Турція глава исламизма, но, тѣмъ не менѣе, она не имѣетъ никакого фактическаго вліянія, такъ что наибольшая доля торговыхъ и политическихъ сношеній выпадаетъ на долю Россіи.

Обратимся къ Вамбери. Пробывъ въ Самаркандѣ мѣсяць, онъ рѣшился отправиться обратно черезъ Герать въ Персію. Спутники его предлагали ему дальнѣйшее путешествіе черезъ Тибетъ, въ Мекку или Пекинъ; но Вамбери, принимая во вниманіе приближеніе зимы, отдаленность путешествія и въ особенности скудость средствъ, отвергъ ихъ предложеніе.

„Окинувъ взглядомъ пройденное пространство, я увидѣлъ — говорить Вамбери — что уже и теперь не имѣю предшественника, который бы совершилъ путешествіе столь же отдаленное и при такихъ способахъ и средствахъ, какъ я. Мнѣ жаль было приносить въ жертву опасной и ненадежной цѣли результаты и данныя, хотя и незначительныя, но уже добытыя. Къ тому же мнѣ только 31 годъ: я могу еще много увидѣть современемъ; теперь же — назадъ! Все это, быть можетъ, удивитъ и поразитъ моего европейскаго читателя; но указанія опыта, собранныя мною во время странствованія, вѣзали глубоко въ мою память, что не должно пренебрегать поговоркою: лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ облакахъ! (По-турецки это выражается такъ: лучше сегодня яйцо, чѣмъ курица—завтра.)

„Наступилъ часъ отъѣзда. Перо мое слишкомъ слабо, чтобы изобразить печальную сцену нашей разлуки; всѣ мы были глубоко тронуты. Шестъ мѣсяцевъ мы дѣлили вмѣстѣ страшныя опасности степей, разбойниковъ и непогодъ. Неудивительно, что это сгладило всю разницу положенія, возраста и національностей, и мы стали смотрѣть другъ на друга какъ на членовъ одной семьи. Разлука въ этомъ случаѣ равносильна смерти. Иначе не можетъ быть въ этихъ странахъ, гдѣ положительно нельзя рассчитывать встрѣтиться другъ съ другомъ. Я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ сердечной боли о томъ, что я не могъ сообщить тайну своего переодѣванья лучшимъ своимъ друзьямъ, что я долженъ былъ обманывать тѣхъ, кому былъ обязанъ жизнію; но что же было дѣлать: религиозный фанатизмъ, встрѣчающійся порою еще и въ цивилизованной Европѣ, имѣетъ страшное вліяніе на жителей востока и особенно на исламитовъ.

„Мое превращеніе, само по себѣ уголовное преступленіе по законамъ Магомета, влекущее за собою избіеніе камнями, можетъ быть въ этомъ случаѣ не порвало бы между нами всѣхъ узъ дружбы; но какъ горько, какъ ужасно было бы разочарованіе моего друга хаджи Сали, таковаго честнаго въ своихъ религиозныхъ убѣжденіяхъ! Нѣтъ, я рѣшился избавить его отъ этого горя и спасти себя отъ упрековъ неблагодарности, которыми онъ имѣлъ бы право меня осыпать.

„Рекомендовавъ меня пилигримамъ, съ которыми я долженъ былъ ѣхать до Мекки, какъ своего брата и сына и самаго лучшаго друга, они проводили меня, послѣ заката солнца,

за городскія ворота, гдѣ насъ дожидалась повозка, нанятая моими новыми товарищами до Карши. Я плакалъ какъ ребенокъ, когда, вырвавшись изъ ихъ объятій, усѣлся на свое мѣсто въ повозкѣ. Друзья мои тоже заливались слезами, и я долго видѣлъ ихъ на томъ мѣстѣ и вижу ихъ теперь, съ руками, поднятыми къ небу, испрашивающихъ для меня благословеніе Аллаха. Я нѣсколько разъ оборачивался. Наконецъ они исчезли и не стало ничего видно, кромѣ куполовъ Самарканда, освѣщенныхъ слабымъ свѣтомъ восходившей луны.“

Отправляясь въ путь, Вамбери, по совѣту керванбаши, купилъ себѣ осла и навьючилъ его разными бездѣлками, которыя охотно раскупаются встрѣчающимися на пути кочевыми племенами. Это дало ему возможность пропитаться во время пути. Такимъ образомъ, Вамбери, какъ дервишъ и ходебщикъ, какъ мулла и чародѣй, долженъ былъ заняться продажей амулетовъ и бусъ, благословеній и цѣлебныхъ дуновеній и тому подобныхъ чародѣйствъ, и до того втянулся въ свою роль, что ему было чрезвычайно неловко, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на улицахъ Лондона: тамъ онъ мечталъ о палаткахъ туржменовъ, о безпредѣльной степи съ ея аламанами, теббадами и прочими ужасами.

Дорога на Герать, по которой направился теперь Вамбери, весьма важна въ томъ отношеніи, что это единственный путь, по которому англичанамъ возможенъ доступъ въ ханства. Какъ увидить читатель, путь этотъ хотя и не представляетъ большихъ затрудненій естественныхъ, но за то имѣетъ другой важный недостатокъ: народы, живущіе по этому пути, подъ видомъ пошлины формально грабятъ проходящіе караваны, такъ что товары не окупаютъ своей первоначальной цѣны. Все это, при настоящемъ положеніи дѣлъ, исключаетъ возможность сношеній Герата съ ханствами.

Степь между Самаркандомъ и Карши представляетъ пространство, покрытое растительностію, на которомъ нерѣдко встрѣчаются источники и колодцы, что даетъ возможность содержать здѣсь значительныя стада. Источники, окруженные деревьями, придаютъ красоту пейзажу, стада оживляютъ мѣстность, и вообще глазъ путника отдыхаетъ на этихъ картинахъ мира и тишины. Дорога до Карши, благодаря дѣятельности и строгости бухарской полиціи, совершенно безопасна: не только караваны, но даже и отдѣльные путники могутъ спокойно про-

ходить по ней. Черезъ два дня пути караванъ прибываетъ въ Карши, который, по торговому своему значенію, считается вторымъ городомъ ханства, и если бы не политическія смуты, онъ могъ бы играть весьма важную роль въ транзитной торговлѣ между Бухарой, Кабуломъ и Индіей.

Карши въ особенности славится изготовленіемъ кинжовъ; которые чрезвычайно дорого цѣнятся въ Средней Азій, какъ по отдѣлкѣ, такъ и по достоинству металла, и нисколько не уступаютъ лучшимъ европейскимъ надѣлямъ этого рода. Не мало былъ удивленъ Вамбери, найдя въ Карши „общественное шалле“, на которое собирается весь beau-monde города, пьетъ чай изъ громадныхъ русскихъ самоваровъ и толкуетъ о политикѣ. Явленіе это, необыкновенное на востокѣ, напомнило Вамбери наши европейскіе города.

Пробывъ въ Карши три дня, путешественники направились далѣе въ пограничный городъ Керки, на Аму-Дарьѣ, которая, при своихъ высокихъ берегахъ, имѣетъ тутъ до 800 футовъ ширины (вдвое болѣе, чѣмъ Дунай при Офенѣ и Пештѣ). Довольно удачно миновавъ различныя песчаныя отмели, они были задержаны на противоположномъ берегу мѣстными властями, принявшими ихъ за бѣглыхъ персидскихъ невольниковъ, пробирающихся на родину. Ихъ заставили снова вернуться въ городъ и явиться къ его начальнику, т. е. коменданту этой крѣпости. „Можно вообразить себѣ — говоритъ Вамбери — все мое удивленіе при подобномъ вредположеніи. Трое изъ моихъ спутниковъ, которые типомъ лица и языкомъ сейчасъ же обнаружили истинное свое происхожденіе, были немедленно отпущены; меня же допрашивали и хотѣли лишить осла. Начался немалый шумъ, въ продолженіе котораго одинъ изъ чиновниковъ, отказавъ меня въ сторону, сказалъ, что онъ уроженецъ Тавриза, нѣсколько разъ былъ въ Константинополѣ, очень хорошо знаетъ турокъ, нисколько ихъ ни въ чемъ не подозреваетъ, но, исполняя постановленія страны, долженъ подвергнуть меня осмотру, установленному относительно всѣхъ иностранцевъ, по той причинѣ, что освобожденные невольники, обязанные при возвращеніи на родину, платить два дуката пошлины, нередко, для набѣжанія этого, прибѣгаютъ къ перекрѣпкамъ и различнымъ обманамъ.“

Керки, влючь Бухары со стороны Герата, представляетъ довольно значительную пограничную крѣпость, на лѣвомъ, возвы-

шенномъ берегу Ану-Даръи, обнесенную тремя земляными стѣнами; изъ нея самая нижняя имѣетъ до 12 футовъ вышины, при 5 футахъ ширины. Въ вѣтросе считается до 18 пухекъ. После того, какъ жеганы, подъ начальствомъ Достъ-Магомета, отняли у бухарцевъ прочія ихъ владѣнія по лѣвому берегу Оксуса, Керки осталась единственнымъ пунктомъ, принадлежавшимъ имъ среди мѣстности, занятой туркменскимъ племенемъ эрсари.

Пробывъ въ Керки нѣсколько дней, путники отправились въ ханство Андшуй, послѣ продолжительныхъ споровъ въ таможенномъ управленіи. Въ караванъ ихъ было не мало освобожденныхъ невольниковъ, число которыхъ начальство таможи вѣчно старалось увеличить, и потому всякаго незнакомаго и иностранца считало за бывшего невольника, вслѣдствіе чего спорамъ и крикамъ не было конца. Съ другой стороны, намъ кервабаша уменьшалъ число освобожденныхъ невольниковъ, съ намѣреніемъ воспользоваться самому взимаемою съ нихъ пошлиною. Въ этихъ видахъ, онъ и набралъ съ собою какъ можно болѣе хаджи, въ числу которыхъ включилъ не мало невольниковъ, подлежащихъ пошлинѣ. Не вдаваясь въ подробное описаніе того, какимъ образомъ многіе изъ послѣднихъ попали въ плѣнъ теке-туркменамъ, и съ какими невѣроятными затрудненіями избавлены изъ этого тяжкаго положенія, скажемъ только, что въ настоящее время считаютъ около 15,000 всадниковъ изъ племени теке, единственно помышляющихъ и днемъ, и ночью о набѣгахъ и по возможности совершающихъ ихъ. Поэтому каждому предоставляется судить о бѣдствіяхъ, которымъ уже въ продолженіе многихъ столѣтій подвержены восточныя и преимущественно сѣверо-восточныя области Персіи, а равно и о томъ, сколько семейнаго счастья, домовъ, деревень и т. д. разрушено этими алчными хищниками.

Пройдя гладкою, пустою степью, изрѣдка покрытою чертополохомъ—любимымъ кормомъ верблюдовъ, которые съ изумительною ловкостію поѣдаютъ его острые и колючіе листы—караванъ скоро достигъ города Андшуй, жители котораго прославились своими разбойни и грабежами.

Каравану предстояло пребыть тутъ нѣсколько дней, потому что переговоры о таможенной пошлинѣ продолжаются очень долго; они ведутся лично съ ханомъ или первымъ его визиремъ. Ханъ, обыкновенно, запрашиваетъ съ невольниковъ, животныхъ, товаровъ и т. д. неизмѣримо высокую пошлину и по-

степени се понижаетъ, смотря по тому, нѣтъ ли керван-баши довольно искусства, ловкости, а главное—времени, чтобы вести съ усѣхомъ подобный торгъ. Множество фруктовъ, хорошихъ рисъ, манъ и прочіе хлѣба, въ изобиліи произрастающіе въ этой пустынной мѣстности, дѣйствительно изумительны. Воды здѣсь до крайности мало, и та очень дурнаго вкуса; климатъ также нездоровый, а потому можно считать вполне точною характеристикою слѣдующій персидскій стихъ: „Андшуй: нѣтъ горькую, соленую воду, раскаленный песокъ, ядовитыя мухъ и скорпионовъ; не хвали этого изображенія настоящаго ада“. Тѣмъ не менѣе, Андшуй, лѣтъ 30 тому назадъ, имѣлъ до 50,000 жителей; занимавшихъ значительную торговлею съ Персіей и Бухарой лучшими черными мерлушками, а также и особенной породы верблюдами, съ длинною шерстью и необычайной силой. Въ настоящее время въ немъ насчитывается до 2,000 домовъ и около 3,000 палатокъ, расположенныхъ на краю степи и въ ея оазисахъ; жители же, числомъ 15,000, принадлежатъ, болѣею частію, къ узбегамъ и афели-туркменамъ.

Нельзя было не замѣтить, несмотря на краткое пребываніе каравана въ Андшуй, господствующей тутъ величайшей неурядицы въ дѣлахъ правительственныхъ и религіозныхъ. Главный судья, пользующійся особымъ почетомъ и уваженіемъ въ Хивѣ и въ Бухарѣ, считается въ Андшуй какъ бы посмѣищемъ; каждый дѣлаетъ что хочетъ, и самыя возмутительныя преступленія остаются при посредствѣ подарковъ совершенно безнаказанными. Жители съ удовольствіемъ вспоминаютъ о Бухарѣ, какъ объ образцовой странѣ справедливости, набожности и земнаго величія, и считали бы себя вполне счастливыми подъ властію бухарскаго эмира. „Одинъ старшій узбегъ—говоритъ Вамбери—замѣтилъ, что даже господство оренгисовъ (англичанъ), простое великое согрѣшеніе, было бы лучше, нежели настоящее мусульманское правительство.“

Покончивъ таможенныя переговоры, едва не обратившіяся въ драку и дѣйствительную военную стычку, караванъ выступилъ въ Маймень, который представляетъ пунктъ также весьма важный. Находясь на половинѣ дороги между Бухарой и Гератомъ, населенный чрезвычайно воинственнымъ народомъ, Маймень постоянно служитъ ябломомъ раздора между ханами Средней Азіи. Несмотря на всѣ усилія сасъдеи, кадетво это осталось невиннымъ до сихъ поръ и даже не покорилось Достъ-

Магомету; могущественному повелителю Афганистана и Герата. Въ 1862 году вся Средняя Азия трепетала; тогда Достъ-Магометъ поднялъ оружіе; но Майменъ устоялъ и здѣсь; и съ тѣхъ поръ храбрость его жителей вышла въ пословицу и составляетъ заслуженную ихъ гордость.

Смерть Достъ-Магомета — событіе высокой важности для Средней Азии — угрожала большими переворотами и политическими революціями въ ханствахъ. Бухарскій эмиръ первый вздумалъ воспользоваться случаемъ и, несмотря на извѣстное свое безденежье, отправилъ 10,000 телма (100,000 р. с.) въ маленькій воинственный Майменъ. Это привело къ слѣдующему договору: эмиръ долженъ былъ перейти Оксусъ и, соединивъ свои силы съ союзными, сдѣлать внезапное нападеніе на общаго ихъ врага — афгановъ. Царствующій владѣтель Маймена, юноша необыкновенно пылкій, не имѣлъ терпѣнія дожидаться своихъ союзниковъ и началъ битву съ силами, бывшими въ его собственномъ распоряженіи. Ему удалось завладѣть нѣсколькими афганскими мѣстечками и укрѣпить ворота своей крѣпости тремястами длинноволосыхъ афганскихъ головъ. Война эта, впрочемъ, не имѣла дальнѣйшихъ серьезныхъ послѣдствій.

Въ Майменѣ керванбаши и главныхъ купцовъ недолго задерживали таможенные формальности, и они принялись за хлопоты о личныхъ своихъ интересахъ. Они перебивали на всѣхъ конныхъ, потому что здѣсь хорошія лошади весьма дешевы. Отсюда ихъ развозятъ въ Гератъ, Кандагаръ и Кабуль и даже въ Индію. Лошади, стоящія въ Персіи отъ 30 до 40 дукатовъ, здѣсь продаются отъ 100 до 160 тенге (14—15 дукатовъ), и я не видывалъ — говоритъ Вамбери — въ Бухарѣ, въ Хивѣ или въ Карши такихъ отличныхъ лошадей по такой низкой цѣнѣ. Но рынокъ въ Майменѣ богатъ не только лошадьми: естественныя и мануфактурныя произведенія страны, какъ-то ковры и другія матеріи изъ шерсти или верблюжьего волоса, доставляются въ изобиліи туркменскими и джемшидскими женщинами. Необходимо замѣтить, что значительную долю вывоза отсюда въ Персію и Багдадъ составляютъ мелкіе виноградъ (кишмишъ), анисъ и эсташки.

Положеніе Вамбери въ это время было самое критическое: прощѣ сказать, онъ умиралъ отъ голоду и лишеній. Здѣшній народъ далеко не такъ религіозенъ, какъ въ Хивѣ и въ Бухарѣ; поэтому нечаяній было весьма мало; запасы товаровъ, вѣтъкъ

Вамбери изъ Самарканда, истощились, такъ что онъ нашелся вынужденнымъ продать почти все свое имущество, чтобы хотя кое-какъ добраться до Герата.

Наконецъ предполагаемая цѣль была уже въ виду. Послѣ многихъ затрудненій караванъ достигъ мѣстечка Керруха, лежащаго въ нѣсколькихъ верстахъ разстоянія отъ Герата. Надо замѣтить, что во время пребыванія Вамбери въ Бухарѣ Гератъ былъ еще подъ осадой Достъ-Магомедъ-хана, и тамъ ничего не было извѣстно о взятіи и разореніи этого города. Читателю легко себѣ представить ужасъ и безпокойство гератцевъ, находившихся въ караванѣ, узнавшихъ только теперь о страшномъ участіи, постигшей ихъ дома и семейства. Несмотря на то, всѣ должны были дожидаться слѣдующаго дня, пока не появился таможенный офицеръ съ начальною афганскою миной, для составленія подробнаго отчета обо всемъ привезенномъ. Вамбери представлялъ себѣ Афганистанъ страной уже полуцивилизированной, гдѣ, вслѣдствіе долгаго столкновенія съ европейскимъ вліяніемъ, остались кое-какіе слѣды порядка и просвѣщенія; но онъ долженъ былъ горько разочароваться въ своемъ предположеніи. Афганскій чиновникъ, первый представитель націи, встрѣченный здѣсь караваномъ, затмилъ своею безсовѣстностію и варварствомъ всѣхъ подобныхъ чиновниковъ Средней Азіи; всѣ ужасы, слышанные Вамбери о таможенныхъ Средней Азіи, были только розовыми картинками въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ здѣсь увидѣлъ. Тюки съ товарами, которыхъ владѣльцы не хотѣли развязать, были отправлены въ городъ подъ стражей; багажъ путешественниковъ былъ разобранъ и записанъ по статьямъ; несмотря на холодъ, всѣ должны были раздѣться, и, за исключеніемъ рубашекъ и панталонъ, всѣ предметы одежды были объявлены подлежащими пошлинѣ. Кровоопійца не пощадилъ даже мелкихъ товаровъ хаджи и потребовалъ новую плату съ ословъ, за которыхъ путешественники уже веревкатили на таможенныхъ цѣну, превышавшую втрое ихъ стоимость. Такъ какъ многіе были дѣйствительно такъ бѣдны, что не могли ничего заплатить, то онъ заставилъ продать ихъ ословъ, что весьма тяжело отозвалось на Вамбери, оставшихся такимъ образомъ безъ всякихъ средствъ. Понятно, что, при такихъ таможенныхъ, торговля съ Гератомъ становится положительно невозможною. Вечеромъ, до обѣднанаго этого грабства, явился къ каравану губернаторъ мѣстечка, носящій чинъ

мажира (маіора; въ афганской арміи есть еще чины эжорнель и воршель, передѣланные англійскіе: general, colonel), съ желаніемъ получить на водку. Военный мундиръ, застегнутый на пуговицы, и европейская внѣшность этого солдата заставили пріятно улыбнуться Вамбери (который очень дорого цѣнитъ всякій признакъ цивилизаціи). Улыбка эта не ускользнула отъ хитраго афгана, и онъ, распросивъ керванбаши, завелъ весьма любезную рѣчь съ Вамбери, отгадавъ въ немъ европейца. Но Вамбери упорно оставался въ своей роли, и когда на площадѣ афганъ по-европейски протянулъ ему руку, Вамбери поднялъ свою для совершенія вѣтвя (благословенія). Афганъ со смѣхомъ повернулся отъ этого благословенія. На слѣдующее утро караванъ долженъ былъ вступить въ Герать проведя болѣе шести недѣль въ пути, который можно было бы при другихъ условіяхъ совершить въ двадцать, двадцать-пять дней.

Самый Герать въ настоящее время покоренъ воинственными афганами. Шестнадцатилѣтній принцъ, сынъ темереннаго афганистанскаго короля, править Гератомъ совокупно съ представленнымъ къ нему визиремъ. Дуумвирать этотъ окончательно разоряетъ эту благословенную страну, *раю подобную*, по восточному выраженію. Хотя жители востока и увлечаются, давая такое названіе Герату, но нельзя не согласиться, что это одна изъ плодороднѣйшихъ и живописныхъ мѣстностей Средней Азіи. Его естественныя преимущества въ связи съ политическимъ значеніемъ, къ несчастію, сдѣлали изъ него яблоко раздора для разныхъ національностей, и если принять въ расчетъ войны и осады, вынесенныя этимъ городомъ, нельзя не удивляться быстрому заживленію нанесенныхъ ему ранъ. Всего только два мѣсяца тому назадъ, здѣсь хозяйничали орды динихъ афгановъ, всюду оставляя за собой разореніе и отчаяніе, а теперь снова поля и виноградники въ цвѣту и луга покрыты высокою душистою травой. Царствующій принцъ еще несвѣдущій мальчикъ, а визирь его — по словамъ Вамбери — олицетвореніе глупости. По обычаю Герата, онъ каждый день долженъ производить публичный судъ, на который, обыкновенно, собирается масса тяжущихся. Утомленный продолжительнымъ разборомъ, визирь придумалъ весьма короткую форму рѣшенія: „пусть все остается по-старому“, говоритъ онъ, обыкновенно, всѣмъ подъ конецъ засѣданія, и довольные гератцы расходятся, вполне удовлетворенные мудрымъ рѣшеніемъ визиря.

Вообще побѣдители страшно притѣсняютъ побѣжденныхъ; грабежъ и насиліе—принципъ правительсва, такъ что гератцы не только желаютъ замѣнить существующее афганское управление какимъ-нибудь другимъ, единовѣрнымъ, но даже повсемѣстно высказываютъ симпатію къ англичанамъ, поселившимъ своимъ крѣпкимъ и разумнымъ мѣрами довѣріе въ жителей. Во время управления Гератомъ майора Тодда, они увидѣли всю разницу его дѣйствій и распоряженій въ сравненіи съ ихъ обыкновенными правителями; они увидѣли справедливость въ правителѣ—качество, неизвѣстное имъ дотолѣ.

Дорогою Вамбери крайне истратился; между тѣмъ, до персидской границы было еще далеко. Вынужденный крайностію, онъ рѣшился обратиться къ благотворительности молодого гератскаго принца. Собравшись съ духомъ, онъ отправился во дворецъ и, исполнивъ извѣстные церемоніи, сѣлъ рядомъ съ принцемъ. Каковы же были удивленіе и ужасъ мнимаго дerviша, когда принцъ, при первомъ взглядѣ на него, вскричалъ: „Клянусь Аллахомъ, ты переодѣтый англичанинъ!“ Присутствовавшіе рассмѣялись; но принцъ съ дѣтскою неотвязчивостію стоялъ на своемъ. Вамбери однако, осадивъ его изреченіемъ изъ Корана, сказалъ ему: „Довольно шутить: ты знаешь, что тотъ самъ невѣрный, кто даже въ шутку назоветъ праводѣрнаго глуремъ. Лучше дай мнѣ что-нибудь за благословеніе, чтобы я могъ отправиться далѣе“. Принцъ присмирѣлъ и, послѣ разговора съ Вамберемъ, приказалъ дать ему небольшую сумму денегъ. Тѣмъ не менѣе, дальнѣйшее пребываніе его въ Гератѣ становилось невыносимымъ: всѣ подозрѣвали въ немъ англичанина, и онъ ежеминутно могъ подвергнуться опасности; кромѣ того, самый городъ имѣлъ непріятный мрачный видъ; страхъ былъ написанъ на лицахъ всѣхъ жителей; по ихъ словамъ, грабежъ и рѣзня продолжались нѣсколько дней послѣ взятія города. Четыре тысячи афганскихъ солдатъ, нарочно выбранныхъ изъ различныхъ полковъ и племенъ, ринулись въ городъ по одному сигналу на беззащитныхъ жителей и не только завладѣли всѣмъ, что нашли въ домахъ, но раздѣвали всѣхъ донага, сбрасывали больныхъ съ постелей, дѣтей изъ колыбелей, чтобы завладѣть и ихъ одеждою. Надобно знать жадность и безсовѣстность афгановъ, чтобы представить себѣ вполнѣ, какъ они вели себя въ порабощенномъ городѣ: они вазмали контрибуцію съ города цѣлый день,

съ провинціи — цѣлый мѣсяць. Впрочемъ, это естественныя послѣдствія войны, случающіяся и въ цивилизованныхъ странахъ, такъ что трудно упрекать въ этомъ дикахъ афгановъ; но жалъ, что они вмѣсто того, чтобы залечить тяжкія раны, нанесенныя ими, какъ будто умышленно стараются окончательно разорить страну и довести ее до нищенства. Они сдѣлали себя предметомъ всеобщей ненависти, и жители готовы на все, лишь бы не призывать вѣчно владычества афгановъ; ихъ презрѣнное правительство дѣлаетъ стачки съ туркменами, вмѣсто того, чтобы охранять жителей отъ ихъ набѣговъ; аламаны грабятъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Герата, и несчастные жители подъ стѣнами города не видятъ защиты отъ хищниковъ. Вамбери употребилъ всѣ старанія, чтобы ускорить путешествіе въ Мешедъ, до котораго и добрался благополучно въ ноябрь 1863 года. Здѣсь онъ нашелъ знакомыхъ европейцевъ, которые и ссудили его средствами для переѣзда въ Европу.

На этомъ кончаются путешествія Вамбери, дающія, какъ читатель могъ судить изъ этого краткаго очерка, большой запасъ свѣдѣній о странахъ, почти неизвѣстныхъ намъ до сихъ поръ. Кроме высокаго научнаго интереса, путешествія Вамбери представляютъ живой и занимательный разсказъ, мастерски изображающій характеры лицъ, съ которыми смѣлому путешественнику приходилось встрѣчаться. Видно, какъ мало по малу Вамбери втягивался въ жизнь дервиша; видно, какъ съ перваго шагу его поражаетъ всякая мелочь, какъ потомъ онъ совершенно свыкается съ обстановкой и слѣдитъ только за общей картиной жизни народовъ въ ханствахъ. Отъ этого разсказъ чрезвычайно выигрываетъ: мелочи исчезаютъ, и читатель видитъ полную картину описываемой страны. Вообще надо удивляться уму и находчивости Вамбери, но еще болѣе его знанію языка и дѣстныхъ обычаевъ: эти послѣднія качества болѣе всего способствовали счастливому окончанію этого рискованнаго предпріятія.

* *